

ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И СВЯЗИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ: ФИННО-ВОЛЖСКИЕ И ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГОВ, ЭТНОГРАФОВ И ЛИНГВИСТОВ

Кузнецова А. И.

В публикуемом издании представлены фрагменты грамматического описания языков, выделившихся из финно-угорского языка-основы в конце III тыс. д.н.э. и восходящих к финно-пермскому и финно-волжскому языку-основе. К группе волжских языков относятся марийский, мордовские (мокшанский и эрзянский); к пермским языкам – коми-зырянский и коми-пермский (-пермяцкий), а также удмуртский и язык бесермян. Данную схему сам автор её (К. Е. Майтинская) считает ориентировочной и спорной. [Елисеев et al. 1993: 21]. Большие разногласия, в частности, вызывает реконструкция волжской общности, поскольку некоторые лингвисты предполагают, что «прамарийский и прамордовский языки из финно-волжского языка-основы выделились непосредственно (без промежуточного волжского языка-основы)» [там же: 21]. Иную схему приводит П. Хайду. Он считает, что «сам уральский язык-основа состоял из ареальной последовательности связанных между собой родственных языков, из которой современные языки развились либо непосредственно, либо формировались главным образом в процессе взаимодействия, которое могло быть продолжительным, но могло периодически и ослабевать и даже полностью прекращаться» [там же: 8]. Анализ современной и предшествующей ей ситуации приблизительно 800-летней давности (о чем пойдет речь в дальнейшем) подтверждают правильность приведенных слов. К этому следует добавить, что можно говорить не только о родственных языках, влияющих друг на друга, но и о языках генетически далеких.

В дальнейшем речь пойдет о пермских и волжских народах и их миграциях, что неминуемо должно было приводить (и приводило) к смешению языков, а нередко и к переходу на другой язык. Порою возникал вопрос: сохранялся ли этногенез в процессе подобных перемещений? Возникали ли новые народности, каким языком они пользовались и т.д.? Можно попробовать найти ответы на эти и другие вопросы.

1. Пермские языки

1.1. Удмуртские бесермяне и их язык

Бесермяне нередко называются субэтнической группой **удмуртов**, пользующейся одним из диалектов удмуртского языка [Нерознак 2002б: 46–49]. Их наименование связано со словами *басурманы*, *бесермене*. По данным Социолингвистической энциклопедии, бесермяне (самоназвание – *бесерман*) в качестве особой народности упоминаются уже в 1184 г. [Михальченко 2000: 507]. В документах прошлых эпох встречается также *бисурмене* и *мусульмане*, о чем свидетельствуют не только имена и фамилии, зафиксированные в документах XVI-XVII вв., но и пережитки магометанства. В документах Вятской земли XV-XVII вв. смешивались термины «бесермяне» и «чувашаи» вплоть до 1768 г. В бассейне р. Чепцы (приток р. Вятки), были расселены бесермяне, которых в декабре 1726 г. изучал Даниэль Готтлиб Мессершмидт [Напольских 2001]. Следует также учитывать, что приведенные выше различные наименования не имели однозначной этнической и языковой соотнесенности и использовались при обозначении

разных групп мусульман (бесермяне – бывшие мусульмане) в Урало-Поволжских и соседствующих с ними регионах. В XVIII в. бесермяне, подобно другим нерусским жителям Вятского края, были по большей части обращены в христианство, хотя крещение удмуртов началось еще раньше – в XVII в. Тем не менее, исламские обычаи были также сохранены.

Существует, как минимум, две основные гипотезы о происхождении бесермян. Гипотеза первая: бесермяне – сколок тюрко-язычного этноса (скорее всего – волжско-камских булгар), воспринявшего, находясь в удмуртском окружении, язык удмуртов. Гипотеза вторая: бесермяне – народность собственно финно-угорского (удмуртского) происхождения [Нерознак 2002б: 48]. Рассматриваются и некоторые иные спорные предположения, касающиеся происхождения бесермян, их мест проживания.

Язык этнической группы бесермян иногда выделяется в особое наречие [Нерознак 2002а: 392]. Как этническая группа бесермяне проживают в северно-удмуртском регионе; этногенез группы называют нередко «загадочным». Бесермяне зарегистрированы в пределах Юкаменского, Глазовского, Балезинского и Ярского районов Удмуртии, а также за пределами Удмуртии в Слободском районе Вятской области и в Кировской области (по данным Кельмакова [Елисеев et al. 1993]). В населенных пунктах трёх первых районов значительный материал (в том числе – три текста и 521 предложение) собрала в 1970 г. Т. И. Тепляшина [Тепляшина 1970: 250–284]. В Ярском районе в деревне Ворца (Ворча) со смешанным татарско-русско-удмуртским составом населения проживало более 350 носителей языка бесермян и около 200 татар из общего числа ~ 700 жителей села (около 4% жителей говорило на русском и северно-удмуртском наречии) [Федотов 1982: 116–117].

По переписи 1926 г. численность бесермян – 10 034 чел. Вскоре после переписи 1926 г. официально бесермяне были причислены к удмуртам. Бесермянских деревень – 10, но бесермяне живут также в 41 пункте (составляя там большинство) среди удмуртов, татар, русских [Тишков 1994: 113–114]. Несмотря на разбросанность бесермянских деревень между жителями поддерживаются родственные связи, сообщаются новости; люди делятся воспоминаниями. Так, не только среди жителей Ворцы сохранилось предание о том, как «на Яр через Ворцу Колчак от Вятки к Глазову на обозах шли. Молодых возили огороды рыть». Рассказывающая в с. Шамардан эту историю жительница деревни Жувам вспоминает слова бабушки-бесермянки 1894 г. р., как та «спряталась на чердаке в бане, чтобы не рыть огороды».

Антропологически бесермяне отличаются от удмуртов. Этой проблемой занималась, напр., Г. А. Аксянова, установившая антропологическое сходство бесермян с татарами [Аксянова 2005]. «Пестрое этнорасовое скопление», как его называет Г. А. Аксянова, в районах Предуралья и Зауралья она объясняет «смещением ареала уральской расы на восток, в азиатские регионы», что происходит в результате естественного исторического процесса, без радикальной смены коренного населения, «вследствие межэтнических браков и этнокультурной ассимиляции автохтонных уралоязычных популяций» [там же: 150]. Г. А. Аксянова неоднократно подчеркивала «наличие азиатских, в широком смысле монголоидных элементов (в том числе и ‘уральских’, ‘уралоидных’) в генофонде *поволжско-приуральских финнов* как результата длительных контактов населения на стыке Европы и Азии. Их присутствие, особенно заметное среди *марийцев, удмуртов и коми-пермяков* (курсив мой – А. К.), многократно фиксировалось антропологическими и биохимическими методами, а в настоящее время подтвердилось и методами этногеномики» [там же: 150–151].

Помимо приведенных выше исследований, осуществленных антропологами, о происхождении бесермян существуют другие гипотезы, высказываемые в основном этнографами и лингвистами:

1) бесермяне – сколок тюрко-язычного этноса (напр., волжско-камских булгар), который попал в удмуртское окружение и воспринял этот язык; 2) бесермяне имеют

собственно финно-угорское (удмуртское) происхождение безотносительно к религии. Решить, какая из гипотез ближе к истине, очень трудно, поскольку в документах прошлых эпох разнообразие в обозначении бесермян (см. выше) не имело твердой соотнесенности с той или иной группой бесермян. Многочисленные наименования применялись к разным группам мусульман Урало-Поволжья и соседних регионов, на что обратил внимание Е. А. Хелимский [Языки народов России 2002: 48]. По мнению Т. И. Тепляшиной, «бесермяне явились первыми насельниками Чепецкого края из всех других ныне проживающих на р. Чепце народностей» [Тепляшина 1970: 171].

В настоящее время бесермяне (независимо от того, как интерпретировать их происхождение) рассматриваются как субэтническая группа удмуртов, а их язык трактуется как диалект (или наречие) удмуртского языка; нередко можно встретить сочетание ‘язык бесермян’.

1.2. Колвинские ненцы и их язык

Колвинские ненцы – это *коми-метисы из села Колва* на реке Усть-Уса (по административному делению 1968 г. деревня Колва входила в Усть-Усинский сельсовет Печорского района). Этнографы и антропологи неоднократно обращали внимание на необычайное разнообразие коми-зырянских территориальных групп. Антропологи отмечают два исторических явления, которые не могли не повлиять на языки их носителей:

1. приполярные пути русской миграции на восток (в сторону Урала и Западной Сибири), 2. интенсивный процесс смешения русского и финно-язычного населения в лесных районах.

В с. Колва, основанном в 1825г. ненцами, жили постепенно *комизировавшиеся ненцы*, получившие название *колвинских*, которые к середине XX в. говорили (помимо русского) только на языке коми, но пели песни на ненецком языке. По мнению историков, на формирование этой группы оказали большое влияние коми-зыряне (ижемцы). В результате такого влияния колвинские ненцы говорят на ижемском диалекте коми языка. Данная группа считается поздним (XIX в.) этническим образованием [Тучков 2003: 126].

Г. А. Аксянова, изучавшая положение метисных коми-ненецких групп в Колве, обнаружила, что «доля ненецкого (колвинского) генофонда у коми-метисов составила 37%, у колвинских ненцев 61%. Пропорционально доле ненецкой примеси в этих выборках усиливается выраженность монголоидных особенностей... В выборке колвинских ненцев суммарный уровень монголоидности значительно выше» [Аксянова 2005: 147]. Независимо (в данном случае) от уровня монголоидности интересно другое: в с. Колва уже в 1968 г. «ни один человек не признал в качестве родного языка ненецкий язык. Более того, хотя старики и пели песни на ненецком языке, перевести их на коми или русский они не могли (знали лишь общий смысл), т.е. практически ненецкий язык забыт ими совершенно. Об их ненецком происхождении говорят только фамилии: Хатанзейские, Ванюта, Тось. Зауральские ненцы, переселенцы из Колвы, также считают своим родным языком коми язык» [Кузнецова 1973: 135].

1.3. Коми-ижемцы и их диалекты в Зауралье

Наиболее близкой группой к так называемым колвинским ненцам оказалась периферийная группа северо-восточных коми-ижемцев (коми, жившие на р. Ижме), которые расселились за пределы Коми республики не только на запад (вплоть до Карельского перешейка), но и на восток, за Урал.

После реформы М. М. Сперанского (1822 г.), когда были отменены ограничения на право переселения крестьян в другие уезды, началось освоение ижемцами территории Нижнего Приобья. Сначала это были сезонные миграции оленеводов с оленями за Урал и с возвращением их на зиму в район Ижмы. Постепенно возникли миграционные процессы коми-ижемцев за Урал. При этом если в 1830-е годы фиксировались лишь единичные случаи временного пребывания отдельных семей коми-ижемцев в Обдорске (Салехард – с

1933 г.), то в 1840-е годы основным направлением миграционного потока были уже населенные пункты на Оби, прежде всего, – село Мужи. С начала 1840-х годов семьи коми-ижемцев стали жить в Березовском крае круглый год. Постоянный прирост населения, не взирая на частые эпидемии, начался в с. Мужи с 1860-х гг. В с. Мужи в 1903 г. было коми – 727 чел., русских – 36, ханты – 866. В 1926–1927 гг. – уже 1174 коми [Повод 2006: 48–70]. За 100 с лишним лет (по сравнению с 1903 г.) население с. Мужи выросло более чем вдвое (с 1629 до 3518 человек), при этом изменился и его состав. В 2009 г. здесь проживало 1336 человек коми, 978 – русские, 816 ханты, 85 ненцы, 22 манси, 4 селькупа и 277 представителей разных национальностей (украинцы, марийцы, чуваша, армяне и др.).

Жители с. Мужи до сих пор называют себя ижемцами: *Mi izъvatasъяс* ‘Мы ижемцы’. Как правило, многие жители села специально подчеркивают, что коми-зыряне, которых они считают ‘другой нацией’, говорят иначе: *Me Ижмаысь*, т.е. ‘Я из Ижмы’, добавляя при этом: *изъvатас чомны олы* ‘зыряне в чумах жили’. Легкое противостояние ижемцев (переселенцев с верховьев Ижмы за Уральский хребет) и коми-зырян из других районов проживания коми на восток от Урала, уже в середине XIX в. отмечал В. А. Иславин в своей книге «Самоеды в домашнем и общественном быту» [Иславин 1847]. Это можно наблюдать и в настоящее время (2010 г.).

1.4. Коми-зыряне села Еремеево и их говор

Коми-зыряне печорского диалекта в селе **Еремеево** Троицко-Печорского района республики Коми живут на границе с Ильчским (Ыльдз) заповедником. Добраться до с. Еремеево от пос. Приуральский, который расположен на достаточно большом расстоянии от других селений, можно только на лодках, что способствует во многом сохранности говора. И не только сохранности говора: по сравнению с населением других обследованных районов демографические показатели в дер. Еремеево свидетельствуют об ином распределении населения по возрастным группам, что видно по следующим сведениям, собранным участниками экспедиции В. В. Апакидзе и А. Н. Судобиной в 2002 г., когда в селе работала экспедиция МГУ им. М. В. Ломоносова. Распределение по возрастным группам позволяет привести следующие цифры (данные на 31.12. 2001 г.):

А. "дети" (0–15 лет): 58 (25%)

Начальное образование дети получают в школе в с. Еремеево, причем преподавание идет на коми языке. С 5-го класса обучение ведется в поселке, находящемся в семи километрах от Еремеева, добраться до которого можно только по реке. В связи с этим школьники живут в общежитии, приезжая домой только на воскресенье. Большую часть года, таким образом, учащиеся проводят в русскоязычной среде, а коми язык становится языком выходного дня.

В. "молодежь" (16–29 лет): 56 (24%)

С. "средний возраст" (30–49 лет): 81 (34%)

Д. "старшие" (50 лет и старше): 40 (17%).

По приведенным данным видно, что население деревни молодое, люди до 30-тилетнего возраста составляют его половину; жители пенсионного возраста – всего около четверти. Такие показатели не характерны для современного сельского севера, где в последнее время наблюдается чаще преобладание старшего поколения над младшим.

В последние годы заметно снижение рождаемости, в чем важную роль сыграли миграции населения. Отъезд местных жителей из села связан с ограниченным количеством рабочих мест, чему, в свою очередь, способствует отсутствие коллективного сельского хозяйства при наличии приусадебного. Приусадебное хозяйство требует большой затраты сил и времени, учитывая географическое положение села, необходимость запастись сеном для скота, вести рыбный промысел и т.д.

Не только старшее, но и среднее поколение любит рассказывать об еще недавно существовавших характерных для данного района занятиях, напр., о том, когда и как

плавали, ездили на шестах: *көр и кӧдзи ветлӧдлӧсны зыбӧйн, зӧбьясны*. Речь идет о передвижении лодки с помощью шестов вместо вёсел: *Водзьын сулалӧс ӧтик морт да зӧбьясӧс. Зӧбьяйс вӧлі кузь кык кум метра кужьта* 'Спереди сидел один человек и толкался. Шест его был длиной два с половиной метра примерно...'. В 2002 г. (ко времени экспедиции в Еремеево) основным видом речного транспорта была уже лодка-моторка.

Для деревни, столь удаленной от мест проживания основной массы коми-зырян, характерна хорошая сохранность старых обычаев, примет и языка, что подтверждают разные поверья, сохранившиеся здесь и поныне в отличие от многих других мест проживания коми. Напр., женщины рассказывали, как и сейчас они «выводят» осот с поля на дорогу и при этом поют:

1. *Медса ыджыд йӧн некӧдӧны поле вылысь туй вылӧ. 2. Пӧткӧдӧдӧг, дырйи сьылӧны: «Гӧрд шондӧ тӧ дзоридзалан мича турун виж платтьӧдӧн гӧрд дзоридзасӧн. 3. Кӧть и зӧб дӧна тӧ и мусса тӧ мянлы, но вот колмас нунытӧнӧ сӧтчӧ. 4. Танӧ тӧнӧ шырӧны вундӧны. 5. Сӧтчӧ петкӧдам, сӧнӧ кутан олны, дзоридзавны мича платтьӧдӧн мича дӧрӧдзьясӧн». 6. Петкӧдӧны туй вылӧ и пуктӧны. 7. Шубӧны мый йон поле улысь петкӧдӧма, дугдӧ быдмӧнӧ поле вылӧн. Перевод рассказчика* (изредка допускаются отклонения от буквального перевода): 1. Самый крупный осот выносят с поля на дорогу. 2. При выносе поют: «Красное солнышко, ты цветешь в красивом зеленом платье алыми цветами. 3. Хотя и очень дорог ты и мил ты нам, но вот приходится переносить тебя туда. 4. Здесь тебя рубят, режут. 5. Туда вынесем, там будешь поживать, цвести в нарядном платье с красивыми цветами». 6. Выносят на дорогу и сажают. 7. Говорят, что осот с поля выведется, перестает расти в поле.

Есть и другие варианты борьбы с осотом, при котором, по словам одной жительницы, «вилами да лопатами выдӧргивают сорняк. Мне кто-то сказал: собери в корыто и толкай его задом. Соберешь в корыто, полное корыто, и обходишь поле задом четыре раза и говоришь: 'Иди отсюда на другое место' и плачешь, приговариваешь: 'Какой ты был красивый, большой, хорошенький. Мы все любовались тобой. Сейчас иди на другое место и там расти'. Как будто ты жалеешь и плачешь. Потом выводишь в лес и выкидываешь. Я возила. У меня меньше стало, но надо бы еще делать».

По словам самих жителей, в Еремеево *лабутнӧя сьӧрнитӧны* 'в растяжку (степенно) говорят' по сравнению с населением Троицко-Печорского района. У представителей старшего поколения обращает на себя внимание нестандартное ударение в русских словах. Часты замена некоторых согласных на другие (напр., **х** на **к**) и грамматические ошибки в русском языке (в том числе неправильное употребление рода и вида, рассогласованность по роду существительного и прилагательного), что обычно косвенно свидетельствует о хорошем владении родным языком. Напр.: *он у нас директОром был; всё приготоВили; нас возили на луг кОсить; у меня дочери вЬЯжут нОсочки, как вырОсли большие; спИна чешется от нЕрвостИ; надо кОдить-двигаться; плоко платЯт; был бы корошИй дОрога* и др. (буквы под ударением и замена **х** на **к** выделены жирным шрифтом).

Данное село, находясь в Предуралье, на самой окраине европейской части России, на границе с Илычским заповедником, во многом, как видно по приведенным языковым и фольклорным примерам, сохраняет не только свой говор, но и многие обряды и некоторые характерные черты языка.

2. Волжские языки

2.1. Шокшинский диалект эрзя-мордовского языка и его носители

Мордовские языки, входящие (вместе с марийским) в волжско-финскую группу языков, едва ли не первыми испытали на себе неминуемость мордовско-русского билингвизма. В конце XVIII в. епископ Дамаскин в «преуведомлении» к рукописному словарю волжского ареала (в который входили марийский, мордовский, татарский и чувашский языки) писал, что язык мордвы «с татарским и русским премного перемешан, поелику прежде долгое

время были они у татар в подданстве, а ныне у россиян, и русскими селениями так перемешаны, что инде от русских и различить их невозможно». [Словарь 1785, л. 4об.; цит. по: Феоктистов 2002: 185].

Вплоть до XV в. обширное Волго-Окское междуречье, откуда начались постепенно групповые миграции на восток и юго-восток, оставалось территорией мордовского этноса. В настоящее время во многих районах и областях ареалы расселения мордвы локализованы. Это наблюдается в Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской, Нижегородской, Саратовской областях. То же самое имеет место в Башкирии, Татарии, Чувашии и даже в азиатской части России (в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и других районах). В составе самих мордовских языков – множество говоров, объединяемых в диалекты, напр., в эрзянском языке выделяются центральный, западный (приинсарский), северо-западный (приалатырский), юго-восточный (присурский) и **изолированный шокшинский диалект** на северо-западе Мордовии в Теньгушевском районе, о котором пойдет речь и где собирался материал в 2006 и 2007 гг.

Эрзянское село Шокша Теньгушевского района (по старому делению – Кадомского уезда Тамбовской губернии), основанное в XVI в., упоминается в «Списке населенных мест Тамбовской губернии» в 1866 г. [Инжеватов 1987: 195]. Названо оно по одноименной речке, на которой стоит село. (Высказывается предположение о генетической связи с марийским «шокш», второе значение которого ‘рукав (реки)’ [там же: 248]). Это село по своему языку, как и вся Теньгушевская мордва, занимает промежуточное положение между эрзянским и мокшанским языками. В результате трудно определить, **к какому языку (мокша или эрзя) ближе язык** теньгушевской мордвы, поскольку в говоре встречается много слов, фонетически близких то эрзянскому, то мокшанскому языку. Именно эта особенность дала повод Т. П. Миронову (впоследствии репрессированному и расстрелянному) говорить о теньгушевском (шокша) диалекте как о результате скрещения эрзи и мокши [Миронов 1936]. Однако сами жители Шокши и окрестных сел считают себя эрзей (эрзянами) и никогда не использовали «шокша» как этноним, а употребляли как топоним¹ или гидроним (в отличие от Т. П. Миронова). Краевед И. Ениватов в статье «Шокша: теньгушевская, вепсская, костромская...» писал, как в свое время М. Е. Евсевьев (дважды приезжавший в село – в 1893 и 1910 гг.), отмечал, что «если бы в говоре теньгушевской эрзи не присутствовали мокшанские суффиксы, то его можно было бы принять за особый язык, только не эрзянский». [Газета Примокшанье от 30.01.2004]. Эти особенности села Шокша дали повод говорить в последнее десятилетие об особой этнической группе мордвы – о шокше. В чем можно видеть и чем можно объяснить эту «особость»?

Полвека назад (спустя 25 лет после работы Миронова) А. В. Якушкин высказал мнение, что мокша, жившая раньше южнее эрзи, при появлении Батыя устремилась на север и вклинилась в эрзю, разделив ее на две неравные части: западную (Кадомскую) и восточную (Саранскую, Нижегородскую и Ульяновскую). В конечном счёте, одна часть эрзи утратила связь с другой её частью и стала развиваться самостоятельно. Поэтому в языке с. Шокша теньгушевской мордвы больше особенностей, чем в языке какой-либо иной её группы. В связи с этим обучение в школах района (Шокша, Старая Шокша, Русская Шокша, переименованная в Рязанку; Нароватово, Дракино и др.) базировалось одновременно на грамматиках по эрзянскому и мокшанскому языкам² [Якушкин 1959: 4–

¹ У села Шокша, напр., много «тёзок»: есть селения с таким названием не только поблизости, но и в других областях и даже республиках (напр., в Карелии и у вепсов; в Нянском округе Архангельской обл.); есть и гидронимы Шокша (река в Ленинградской, Костромской, Пензенской обл.; озеро в Торбеевском районе Мордовии). Наконец, шокша (от наименования р. Шокши, притока р. Мокши) – особая группа мордвы, испытывавшая большое влияние мокшанского языка при сохранении эрзянского самосознания. [Кузнецова 2000: 27].

² В 1909г. Николай II подписал указ о всеобщем начальном и бесплатном образовании в России. По сведениям Историко-статистического описания Тамбовской епархии за 1911 г., в с. Шокша Широмазовской волости Кадомского уезда Тамбовской губернии было три одноклассные школы: земская (с 1894 г.),

5]. Бросается в глаза и еще одна особенность языкового материала: неоднородность его по территориальному, возрастному и профессиональному признакам, а также по широкому использованию русизмов в разговорной речи, что подчеркнул М. В. Мосин [Мосин 2002: 160].

Обращает на себя внимание в теньгушевском диалекте *наличие оканья и аканья*; это легко объяснимо географическим расположением района, который находится на стыке окающих диалектов Горьковской области и акающих русских рязанско-тамбовских диалектов. Отсюда становится понятным, что одни слова заимствуются из окающих русских говоров (напр.: *роботник, погода, разбойник, косяк, роса*), другие – из акающих (*атвечамс, ашипка, касой, азарник, кармилец*). Кроме того, часть слов проникает в теньгушевский диалект через мокшанские говоры, большинство которых относится к числу акающих.

Иногда можно встретить утверждение, что в теньгушевском диалекте русских слов больше, чем во многих других мордовских диалектах. Этому можно поверить, хотя никто подсчетов не производил. В основном заимствуются слова для новых понятий, но происходит это постепенно, в результате возникают пласты заимствованной лексики из русского языка столетней и большей давности.

2.2. Марийцы – носители новоторьяльского говора лугового марийского языка

Марийский язык, начиная приблизительно с XX столетия, претерпел большие изменения, что можно проследить на примере языковой ситуации в селе Старый Торъял Новоторьяльского района Марий Эл. Произошедшие изменения можно свести к основным трем моментам.

1. Произошло усиление влияния на марийский язык со стороны русского.
2. Выросла языковая вариативность за счет роста в селе приезжающих на постоянное место жительства носителей из других диалектов разных районов республики.
3. Началось и продолжается активное наступление на диалект со стороны литературного марийского языка.

В результате возникает ступенчатое подавление литературным марийским языком диалекта, а литературным русским языком – литературного марийского языка. Диалект, испытывающий давление не только со стороны литературного языка, но и других диалектов, страдает особенно сильно, поскольку в село приезжает много носителей разных диалектов, язык которых *volens-nolens* заимствует элементы иных диалектных систем. Бросается также в глаза большая вариативность на разных уровнях языка – в области лексики, морфологии и фонетики.

В приводимых ниже примерах нетрудно обнаружить, с одной стороны, ошибки в русской речи носителей марийского языка, навеянных и легко объяснимых правилами родного (марийского) языка. С другой стороны, не менее четко видно, как образуются путем калькирования русских слов новые слова в марийском языке.

В русской речи староторьяльцев (особенно старшего возраста – когорте 60-ти и старше лет) часто наблюдается рассогласование по роду в разных частях речи: *дочкина сын купил машину; торой сын без отца училась, какой пенсия у тебя?* Характерно для жителей Старого Торъяла опускание предлогов, которым в марийском языке соответствуют послелогии: *он ходила сюда школу; родилась Токтарсоле*. Нередки ошибки

церковно-приходская (с 1894 г.) в Шокше и земская в Рязанке. Урок стоил 25 коп. По данным архива Саровского монастыря Тамбовской губернии за 1882–1900 гг. школы открыты на год позже. В 1885 г. жителей в с. Шокша было 2253 чел., грамотных мужчин – 33, женщин – 0, мальчиков – 23, девочек – 0. Количество учеников в земской школе в 1900 г. было 60 (чел.); в церковно-приходской – 31 (23 мальчика и 8 девочек). 23/XII 1917 г. было введено новое правописание. В 1934 г. введено обязательное семилетнее образование. Преподавателей для семилетних школ в 1934 г. готовили в двухгодичных учительских институтах. В 1938 г. было построено новое здание средней школы в Шокше.

в управлении: *ездили на лошадей*. Попеременное употребление то марийских, то русских фраз и слов, называемое смешением кодов, типично для информантов старшего поколения: *Мўкиш в пчельниках живут омарташте* ‘Пчелы в пчельниках (должно быть отар) живут в ульях’.

Смешение кодов неминуемо должно усиливаться, а поскольку оно действует сразу с двух сторон (влияние и русского, и марийского литературных языков), то увеличивается и количество гибридных образований, происходит адаптация русских заимствований в основном в специальной лексике. Случаев гибридного словообразования больше в специальной, чем в обычной разговорной речи: *экономика факультетыште тиде профессорын лексийже моткоч йокрок* ‘лекции этого профессора факультета экономики очень скучные’. Ср. *Обижатьляш* или *обижатлялташ окыл* (=ок кыл) ‘обижаться не надо’ [Кузнецова 2002: 136]. Встречаются в марийском языке кальки с русского языка: *вўд* (вода) + *пуч* (провод) = водопровод; *тўня* (мир) + *шижмаш* (ощущение) = мироощущение; *кид* + *возыш* (рука+письмо) = рукопись и т. п. [Барцева 2002: 87–92]. По словам одной из местных учительниц, «чисто марийского языка нету сейчас; у нас всё вперемешку. Только 70-тилетние говорят» (на родном диалекте).

3. Заключение

Сравнение рассмотренных языков, восходящих к финно-пермскому языку-основе, языков, находящихся в основном на территории европейской части России (часто – вразброс), позволяет заметить как сходные, так и различные черты в их судьбах.

Для всех народов финно-волжских и пермских языков не только в древние, но и в позднейшие времена были характерны *миграционные процессы*. Переселения народов часто приводили к *смешению народов* и/или *языков*; нередко менялся этногенез групп населения, а вместо смешения языков иногда происходил *переход на другой язык*. Практически во всех районах со смешанным населением возник *билингвизм*, имеющий в каждом ареале свои особенности, проявляющиеся как в русском, так и в языках финно-волжских и пермских.

Список литературы

- [Аксянова 2005]: Аксянова Г. А. (ред.). 2005. *Антропология коми*. М.: ИЭА РАН.
- [Барцева 2002]: Барцева Л. И. 2002. Образование неологизмов в условиях двуязычия // *Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в г. Турку 16–18.08.2001*. Turku, с. 87–92.
- [Елисеев et al. 1993]: Елисеев Ю. С., Майтинская К. Е., Романова О. И. (ред.). 1993. *Языки мира. Уральские языки*. М.: Наука.
- [Ениватов 2004]: Ениватов И. Шокша: теньгушевская, вепская, костромская... // Газета ‘Примокшанье’. 30.01.2004.
- [Ижеватов 1987]: Инжеватов И. К. 1987. *Топонимический словарь мордовской АССР*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- [Иславин 1847]: Иславин В. А. 1847. *Самоеды в домашнем и общественном быту*. СПб: Типография М-ва гос. имуществ.
- [Кузнецова 1973]: Кузнецова А. И. 1973. Количественная оценка билингвизма в Коми АССР и зависимость ее от социальных факторов // *Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Публикации ОСиПЛ*. Вып. 6. М.: Издательство МГУ, с. 134–144.
- [Кузнецова 2000]: Кузнецова А. И. 2000. Старые социолингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социолингвистике) // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции*. М.: УРСС, с. 18–33.

- [Кузнецова 2002]: Кузнецова А.И. 2002. Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре // *Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в г. Турку 16–18.08.2001*. Turku, с. 127–138.
- [Майтинская 1993]: Майтинская К. Е. 1993. Финно-угорские языки // *Языки мира. Уральские языки*. М.: Наука, с. 20–31.
- [Миронов 1936]: Миронов Т. П. 1936. *Теньгушевский (шокша) диалект как результат скрещення*. Саранск.
- [Михальченко 2000]: Михальченко В. Ю. (ред.). 2000. *Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия*. Кн. 1. М.: Academia.
- [Мосин 2001]: Мосин М. В. 2001. Об особенностях мордовско-русского двуязычия у мордвы-эрзи в Республике Мордовия // *Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в г. Турку 16–18.08.2001*. Turku, с. 160–166.
- [Напольских 2001]: Напольских В. В. 2001. *Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726*. Ижевск: «Удмуртия».
- [Нерознак 2002а]: Нерознак В. П. (ред.). 2002. *Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник*. М.: Academia.
- [Нерознак 2002б]: Нерознак В. П. (ред.). 2002. *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник*. М.: Academia.
- [Повод 2006]: Повод Н. А. 2006. *Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.)*. Новосибирск: Наука.
- [Тепляшина 1970]: Тепляшина Т. И. 1970. Топонимы на -кар и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян // *Местные географические термины. Вопросы географии*. Сб. 81. М.: Мысль, с. 164–171.
- [Тепляшина 1970]: Тепляшина Т. И. 1970. *Язык бесермян*. М.: «Наука».
- [Тишков 1994]: Тишков В. А. (ред.). *Народы России. Энциклопедия*. 1994. М.: Большая Российская энциклопедия.
- [Тучков 2003]: Тучков А. Г. 2003. *История и культура Сибири*. Томск: ТГПУ.
- [Федотов 1982]: Федотов М. И. 1982. Ворцинский говор бесермянского наречия // *Образцы речи удмуртского языка*. Ижевск: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров УАССР, с. 116–130.
- [Феоктистов 2002]: Феоктистов А. П. 2002. О контактно обусловленных преобразованиях в лексике и грамматике мордовских языков // *Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в г. Турку 16–18.08.2001*. Turku, с. 185–196.
- [Хайду 1993]: Хайду П. 1993. Уральские языки // *Языки мира. Уральские языки*. М.: «Наука», с. 7–19.
- [Хелимский 2002]: Хелимский Е. А. 2002. Бесермян язык // Нерознак В. П. (ред.) *Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник*. М.: Academia, с. 46–49.
- [Якушкин 1959]: Якушкин А. В. 1959. *Дракинский диалект эрзя-мордовского языка*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. М.